

ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ В СОВРЕМЕННОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКЕ

© 2005

А. Д. БОГАТУРОВ

К середине первого десятилетия нового века стало заметно возвышение роли центральных материковых районов Евразии в “большой” международной политике. Резкая активизация США и ряда наиболее близких Вашингтону партнеров по блоку НАТО на Среднем Востоке, формирование нового – мощного и перспективного “западного”, то есть ориентированного на Центральную Азию, вектора политики Китая, превращение Индии и Пакистана в “нелегальные” ядерные державы, наконец, рост значения энергетической составляющей региональных отношений – все это способствовало формированию на обширном пространстве Восточной Евразии нового геополитического региона и, соответственно, новой подсистемы международных отношений – Центрально-Восточной Азии¹. Его политические, военно-стратегические и экономические контуры не совпадают с устоявшимся за много лет в отечественной и зарубежных аналитических традициях делением мира на условные географические регионы. Это создает потребность в обогащении привычных схем исследований с учетом необходимости включить в их фокус те новые тенденции, на “улавливание” которых старые матрицы анализа просто не приспособлены.

Задача предлагаемой статьи – дать версию понимания логики и направления новых международно-политических тенденций в регионе Центрально-Восточной Азии как единого политico-стратегического пространства от Закаспия до Тихоокеанского побережья Китая².

¹ Этот термин впервые был введен автором в работе [Bogaturov, 2004, p. 85].

² Собственно дальневосточные, т.е. азиатско-тихоокеанские, аспекты ситуации см.: [Богатуров, 2004].

1.

Шесть–десять лет тому назад в российских работах историко-международного направления “с подачи” ныне покойного отечественного историка системной школы А.А. Злобина³ была осторожно высказана мысль о том, что после распада Советского Союза в регионе вокруг бывшей советской Средней Азии возобновится процесс естественного структурирования отдельной региональной подсистемы, который был прерван образованием СССР [Коргун, 1998; *Системная история...*, т. 1, 2000] с включением в его состав Хивы, Бухары, Коканда, казахских степей и Закаспия. Реальность подтвердила обоснованность этой гипотезы, хотя географические очертания и политологические характеристики новой подсистемы оказались, насколько можно судить, существенно иными, чем можно было предполагать в середине 1990-х гг., не говоря уже об их начале.

Уместно выделить несколько важнейших геополитических тенденций или факторов-сдвигов, которые привели к ускоренному формированию новой региональной подсистемы.

Первая тенденция-сдвиг – это обнажение традиционных историко-этнических, культурных, геоэкономических, а вскоре и политических тяготений, которые после уничтожения непроницаемой границы СССР, отделявшей “внутреннюю” советскую Среднюю Азию от Азии зарубежной, привели к возникновению (или восстановлению?) мощной этнодемографической, географической и политико-стратегической “связки” Пакистан–Афганистан–Таджикистан–Узбекистан. Проблемы, говоря современным политологическим языком, “разделенных народов” накрепко связали четыре эти страны в сложнейший узел, части которого крайне сложно, а порой даже невозможно развязывать “по отдельности”.

В самом деле, “взаимопроникающее” расселение таджиков и узбеков в сопредельных районах Узбекистана и Таджикистана определяют повышенную вовлеченность как минимум первого в дела второго. Одновременно сложный и противоречивый характер отношений между правительством Таджикистана и отдельными региональными кланами этой страны с таджикскими общинами в Афганистане и их военно-политическими вождями, глубоко вовлеченными во внутриафганские схватки за власть в Кабуле, фактически формирует своего рода сплошное таджико-афганское политico-военное “минипространство”, отношения в пределах которого регулируются далеко не только правилами стандартного межгосударственного общения, а может быть, прежде всего не ими. Волей-неволей безопасность Таджикистана оказывается зависимой от соотношения сил и характера отношений между афганскими общинами – таджиками на севере и пуштунами на юге и востоке.

В меньшей мере сходная взаимозависимость существует в вопросах безопасности между Афганистаном и Узбекистаном, поскольку довольно многочисленные и активные в военном и политическом отношениях общины афганских узбеков на севере Афганистана тесно связаны с Узбекистаном и играют, подобно афганским таджикам, заметную роль в определении соотношения внутриафганских сил. Соответственно, Кабул заинтересован в том, чтобы оказывать влияние на положение дел в Узбекистане, а Ташкент – на расстановку сил в Афганистане и как минимум на его политику в том, что касается ее северных направлений (узбекского и таджикского).

В свою очередь, Афганистан – вовсе не автономный игрок региональной сцены. Проблема “Большого Пуштунистана” намертво связывает его с Пакистаном. В 1993 г. формально перестала быть легитимной “линия Дюранда”, которая сроком на сто лет должна была определять разграничение между тем, что в момент подписания согла-

³ О научном вкладе А.А. Злобина см.: [Международные процессы, 2003, № 3].

шения о ней в 1893 г. означало владения эмира Афганистана, с западной стороны, и Британской Индии – с восточной. Между тем эта линия разрезала “исторический Пуштунистан”, то есть зону расселения пуштунских племен, часть которых осталась подданными Афганистана, а другая – оказалась под номинальной властью Британской короны, а затем – правительства независимого Пакистана. Ни одно из афганских правительств не признавало постоянного характера “линии Дюранда”, что создает почву для требований о пересмотре линии прохождения афгано-пакистанской границы, тем более что “пакистанские пуштуны” не проявляют особой лояльности по отношению к правительству Пакистана, активно участвуют во внутриафганской политической (и военной) борьбе и не отказываются от идеи “пуштунского единства”.

В такой ситуации Пакистан объективно оказывается крайне заинтересованным в афганских делах, рассчитывая на то, что рано или поздно к власти в Кабуле придет руководство, настолько отзывчивое к пакистанскому влиянию, что оно согласится узаконить “линию Дюранда” в качестве официальной границы между Афганистаном и Пакистаном. Вот почему Исламабад не может оставаться безразличным к непрерывным подковерным и открытым схваткам между пуштунскими и непуштунскими (таджикскими и узбекскими) группировками в Кабуле, от исхода которых зависит внешняя политика Афганистана прежде всего на ее юго-восточном (пакистанском) направлении.

Таким образом, пакистано-афгано-таджико-узбекская “связка” оказывается своего рода геополитическим стержнем (“шарниром”, если воспользоваться термином, в сходном смысле, употребляемым в работах Е.М. Мелетинского [Мелетинский, 1979], вокруг которого вращаются практически все главные сюжеты, так или иначе связанные с региональными конфликтами и любыми иными аспектами политики и безопасности государств этой части мира. Отношения между Пакистаном, Афганистаном, Таджикистаном и Узбекистаном фактически определяет проблемное “ядро” поля исследований это региональной части глобальной международной безопасности.

Стоит обратить внимание на следующее обстоятельство: все четыре названные страны между собой не равны. Пакистан предстает в их ряду явным, условно говоря, “тегемоном” – хотя и чрезвычайно хрупким, уязвимым и не устойчивым во внутриполитическом отношении ввиду многочисленных межэтнических противоречий, сильного антизападного и антирелигиозного экстремизма с религиозным оттенком. Во многих отношениях современный Пакистан – “больной человек” Азии – не самое неустойчивое (по сравнению с Афганистаном и Таджикистаном) ее звено, но самое опасное в ряду неустойчивых ввиду его еще “нелегального”, но уже ядерного статуса. Именно вопрос о границах Пакистана – афгано-пакистанской в Пуштунистане и пакистано-индийской в Кашмире, по сути дела, является ключевой проблемой региональной безопасности, от успешного решения которой в значительной мере может зависеть и стабильность в зоне бывшей советской Средней Азии.

Вторым важным фактором к ускоренному формированию региональной подсистемы было возникновение нового западного и северо-западного вектора политики обеспечения национальной безопасности КНР и превращение его в одно из важнейших направлений внешней политики Пекина. Если в первые четыре с лишним десятилетия существования КНР политика в отношении СССР охватывала весь огромный полукруг от Таджикской ССР на крайнем северо-западе до Приморского края РСФСР на северо-востоке, то затем западное и северо-западные направления китайской внешнеполитической стратегии отделились от российского и, слившись, стали важным новым направлением политики Пекина. Безопасность КНР приобрела фактически еще одно региональное и глубинно-материковое измерение, которое ни в каком смысле не может быть отделено от безопасности прибрежно-островного Китая со стороны Тихого океана. Подобно пакистано-афгано-таджико-узбекской смычке

на западе региона, огромная территория КНР оказалась сквозным скрепляющим стержнем единого пространства безопасности Китая – от тихоокеанского побережья до гор и степей Центральной Азии. Появление на западном направлении новых угроз в виде исламского экстремизма и наркотрафика, с одной стороны, и резкое возрастание интереса Пекина к энергетическим ресурсам малых и средних стран региона (Казахстана и Туркмении прежде всего) – с другой, придавали западному направлению китайской политики безопасности значение, выходящее далеко за пределы узкой региональной стратегии, ориентированной просто на группу соседних не очень сильных и богатых стран.

На западном направлении китайская дипломатия со второй половины 1990-х гг. развернула масштабную и хорошо продуманную кампанию мер по формированию многосторонней структуры сотрудничества в лице Шанхайской организации сотрудничества (ШОС – КНР, Россия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан и Узбекистан). К середине первого десятилетия нового века договоренности в рамках ШОС стали носить экономический, политический и более заметный военно-политический характер (как минимум в том, что касается совместной борьбы с “международным терроризмом”).

Третьим решающим фактором-сдвигом в региональных отношениях стало военное присутствие США, которое возникло на территориях Узбекистана и Киргизии с началом кампании США против режима талибов в Афганистане в 2001 г. США превратились, образно говоря, в центральноазиатскую державу и вышли в стратегический тыл КНР, который китайская дипломатия долгое время стремилась сделать своего рода “зоной, свободной от американского присутствия”. Возникновение в региональных отношениях такого мощного нового фактора, как американская политика, окончательно лишило этот тыл прежнего относительно замкнутого локально-регионального характера и роли своего рода негласной “сферы российско-китайского влияния”, превратив в регион, фактически открытый для мощной международной конкуренции подобно Ближнему Востоку, Юго-Восточной Азии или Балканам. Военно-политические интересы США в тихоокеанской части Восточной Евразии, союзы с Японией и Южной Кореей и “особые” связи с Тайванем почти автоматически создали политico-стратегическую связку между общими целями американской стратегии в отношении Китая, тихоокеанской политикой Вашингтона и его интересами в Центральной Азии.

Несмотря на сетования относительно “не достаточно демократичной” природы общественно-политических систем стран этой части мира, американская администрация на фоне не окончившейся борьбы с исламским сопротивлением в Афганистане и Пакистане и неудачного развития ситуации в 2003–2004 гг. в оккупированном Ираке стала ориентироваться на укрепление военно-политических связей с Узбекистаном и в меньшей степени – с Киргизией. Одновременно американская администрация заняла позицию заинтересованного наблюдателя в российско-таджикских разногласиях по вопросу дальнейшего присутствия вооруженных контингентов России в Таджикистане. Фактически Вашингтон сигнализил Душанбе о готовности принять на себя бремя по оказанию ему военной помощи в случае и после “ухода России”. Формально американский курс на сближение с Узбекистаном и Таджикистаном выглядит как часть более общей “стратегии охвата с севера” афгано-пакистанской зоны нестабильности. Однако объективно расширение военных позиций США в этой части мира с полным основанием самым серьезным образом рассматривается аналитиками и политиками Китая и России в контексте интересов как военной, так и экономической безопасности обеих держав, влияние американской политики на которые может быть расценено неоднозначно.

Четвертый фактор формирования новой региональной подсистемы – эволюция внешнеполитических приоритетов самой Российской Федерации в первое десятилетие наступившего века – также несет на себе печать разумно дозированной политической, стратегической и экономической “евразии”, которая выражается в не акцентируемом публично, но фактически повышенном внимании к проблематике экономического сотрудничества и безопасности в Восточной Евразии в системе национальных приоритетов страны. Это повышенное внимание вряд ли связано с какими-то глубокими переосмыслениями проводимого руководством России курса или внесением в него концептуальных новаций. Скорее всего, продолжается обычная практика полуинтуитивного-полусознательного реагирования власти на те изменения международной среды, на которые просто уже невозможно не реагировать. Таких изменений как минимум два: американское военное присутствие в Центральной Азии – так сказать, в прямом смысле между Россией и Китаем; и превращение энергоносных месторождений Восточной Сибири в главный резерв национального развития и национального богатства России в первой половине XXI в. с перспективой крупномасштабного экспорта нефти и газа в восточном направлении – в Японию и Китай.

Смещение стратегических приоритетов в восточном направлении и одновременное “встречное” смещение интересов безопасности Китая к его западным границам – то есть в направлении западном и создают тот странный встречный ток устремлений, взаимопроникающих трендов, сплетения интересов и отношений, которые “стягивают” два “старых” региона – Центральную и Восточную Азию – в единый регион Центрально-Восточной Азии, подобно тому как распад социалистического лагеря в Европе открыл путь к появлению (а может быть, “возобновлению”) на месте “старой” Восточной Европы того, что в последние 10 лет снова почти привыкли называть Центрально-Восточной (или Центральной Восточной) Европой.

2.

“Неохотная евразия” российской внешней политики была, как очевидно, следствием не столько внутренних изменений, сколько результатом международно-политических и мироэкономических сдвигов. Из первых главными были сдвиг во внешне-политических приоритетах США в пользу Азии и, как следствие, явная, хотя и неформальная “азиатизация НАТО” за счет фактического появления зон ответственности НАТО⁴ далеко за пределами евро-атлантического мира, который он изначально был призван защищать в момент своего создания в 1949 г.

Регионализм – дитя регионализации, понимаемой как тенденция к преодолению границ между странами. Половина десятилетия перед своим распадом СССР умиллял многих экспертов достижениями в экономике и политике. Между тем за те же 15 лет он почти полностью подорвал основу традиционной региональной безопасности. Это стало одной из главных структурных причин на самом деле начавшегося в начале нового века фактического кризиса НАТО – главного военного союза века прошлого. Для того чтобы сохраниться сегодня, этот союз должен “вырваться” за рамки регионального видения безопасности и приобрести трансрегиональные, фактически общемировые функции. Но политическая воля к этому есть далеко не у всех европейских стран альянса, для которых этот союз создавался и который они (похоже, ошибочно) считают “принадлежащим им по закону”.

⁴ В 2001–2003 гг. в МГИМО МИД РФ под руководством автора этой статьи была подготовлена и защищена аспирантом из Южной Кореи первая в России кандидатская диссертация на тему неформальных новых зон ответственности НАТО, в которой был предложен вариант обоснования этого понятия [см.: Ким Кван Хван, 2003].

Еще десять лет назад руководители НАТО смеялись, когда (то ли шутя, то ли всерьез) российские эксперты спрашивали, согласится ли альянс гарантировать границу России с Китаем, если когда-нибудь она вступит в ряды НАТО. Сегодня едва ли какую-либо страну НАТО удивит то, что у альянса фактически появилось “Центральноазиатское измерение” – как по-другому расценивать военное присутствие США, Германии, Турции, Великобритании в Афганистане и американские военные базы в Узбекистане и Киргизии?

Геополитически Россия больше не у “крайнего уступа” НАТО. Она фактически не то “прикрывает” его, не то над ним “нависает” с севера – потому что зона ответственности НАТО де-факто уже дошла до границ Китая и Пакистана, опоясав Россию с юго-востока.

Отчасти из-за этого во второй раз за пятнадцать лет стали меняться американские внешнеполитические приоритеты. После распада Советского Союза главное место в них занял Китай. Под “знаком ожидания” соперничества США и Китаем в XXI в. прошли 1990-е гг.

Но после сентябрьских событий 2001 г. преобладание китайского аспекта американской внешней политики стало менее выраженным. Более рельефным стал “возвратный интерес” США к Ближнему Востоку (в старом понимании) и Центральной Азии, а западноевропейские страны и Россия стали почти на равных конкурировать друг с другом за третье–четвертое места в американской иерархии симпатий.

По-видимому, в долгосрочной перспективе угрозу ослабления энергетической базы американского хозяйства эксперты специального профиля в США оценили выше, чем потенциальный военно-силовой вызов со стороны Китая с учетом невысокой вероятности трансформации этого вызова в форму открытого противостояния Пекина и Вашингтона. Это полностью меняет потенциальную роль России в geopolитическом раскладе в Старом Свете и побуждает заново переосмысливать известные сценарии ее внешнеполитического поведения.

С конца 1990-х гг. по настоящее время создано де-факто три новые зоны военной ответственности НАТО – одна в Европе, на Балканах, две – в Азии, в Афганистане и на Ближнем Востоке. Правда, официально они таковыми не признаны. Зато придано, что США, Великобритания, Турция, Германия и другие члены НАТО посыпают в эти “непризнанные зоны” свои войска, и те реально координируют на азиатских театрах боевых действий свои операции в точном соответствии с натовской стратегией и тактикой, правилами, стандартами и опытом совместных маневров в рамках НАТО. Признания, выходит, нет, а зоны, похоже, все-таки есть.

Реально из круга стран, способных вести боевые операции за пределами своей национальной территории, против расширения зон военной ответственности НАТО на Азию выступает только Франция. Германия в одном случае оказалась солидарна с ней (Ирак), но в другом (Афганистан) – фактически согласилась с политикой “ползучей азиатизации альянса”. Причем, Париж и Берлин давно сигнализят Вашингтону о возможности пересмотреть свои позицию, если США тоже откажутся от своей вызывающей политики диктата по отношению к ним – как то было в ходе подготовки иракской кампании 2003 г.

Трансформация НАТО в глазах Вашингтона – прежде всего приспособление этой организации к нуждам американской политики. Ее приоритеты состоят в закреплении в зонах перспективных месторождений энергоресурсов и путей их транспортировки, а также в приобретении выгодных стратегических позиций в отношении держав, способных, хотя бы потенциально, помешать реализации американских целей – Китая и России в первую очередь. Зоны, о которых идет речь – Ближний Восток и глубинная материковая Центральная Азия, под которой в Америке (в отличие от России) понимают огромный пласт геоэкономического пространства от Черномор-

ского побережья Абхазии (вот зачем Соединенным Штатам необходимо влияние в Грузии) до границ Китая. Между этими рубежами многим грезятся “неисчерпаемые” (и недоказанные) ресурсы нефти и газа.

Прежняя, замкнутая на Европу и Атлантику НАТО для реализации таких целей непригодна. Она должна или переродиться, или умереть. Это не дает оснований ни радоваться, ни сокрушаться. Есть смысл уловить: азиатизация НАТО, новый расклад приоритетов американской политики объективно может быть выгоден России, так как он вынуждает Вашингтон вновь относиться к ней серьезнее. Но как “обыграть” американский интерес?

3.

Рост внимания Вашингтона к нефтедобывающим (Ближний и Средний Восток, зона Каспия) и наркопроизводящим (Афганистан) регионам Евразии в сочетании со стабильным повышением экономических ставок Китая и пытающейся поспешать за ним Индией неизбежно принижают роль, которую в “Старая Европа” играла в мире на протяжении второй половины прошлого века.

С точки зрения России, относительная “маргинализация” Европы в международной политике волей-неволей означает маргинализацию ориентации на нее – или на нее прежде всего. “Европейский замес” нашей культуры, мощные исторические тяготения к ней, “генетический код”, в соответствии с которым воспроизводятся наши представления о стандарте “высокого” и “низкого”, “передового” и “отсталого”, “цивилизованного” и “нецивилизованного”, наконец, в культурно-психологическом смысле “нашего” и “не нашего” – все это для большинства россиян – часть национального “я”, причем та его часть, которую они любят, которой склонны гордиться и дорожить. Таков наш “национально-культурный миф” – мы часто досадуем на Европу, но любим “Европу в себе” и огорчаемся оттого, что не ощущаем “себя в Европе”. На этих наших эмоциях давно играют братья-соседи: украинцы не преминут при случае намекнуть, мол, Украина – к Европе ближе.

Вряд ли стоит пробовать в одночасье ломать исторические мифы, тем более что это нелегко сделать. Но оставаться в плену узкого, чисто европейского взгляда на мир – снова “просмотреть” и недооценить те преимущества, которые Россия сохранила за собой благодаря уникальным природным, историческим и geopolитическим данностям ядерной нефтяной державы, способной оказывать влияние на ситуацию одновременно в Азии и Европе, а также на глобальном рынке энергоносителей.

Веками сердцем России считалась ее европейская часть. Земли к востоку от Урала, были русскими, но они и Россией-то не всем казались. Не на ровном месте в Сибири возникли (столь милые западным коллегам) образы “сибирской независимости” и “страны Сибири”, а на Дальнем Востоке – частично реализованный при большевиках проект “Дальневосточной Республики” (ностальгией по которым и сегодня страдают многие на Западе). Мы все еще по привычке думаем о своей стране как об “Европе”, словно не понимая, что природные богатства России (нефть, газ, лес, уран, золото, алмазы и др.) сосредоточены в сибирско-дальневосточной части Федерации и что это она уже приняла на себя роль нефтегазовой, а значит и несущей финансовой конструкции Российского государства. В Сибири наше уже не будущее, а настоящее. Геополитическое сердце России сместилось на восток от Урала. Это ни хорошо, ни плохо – это просто экономическая и политическая данность, которую надо, наконец, осознать, осмыслить, чтобы внести корректизы в приоритеты внешней и внутренней политики государства таким образом, чтобы сибирское и в целом восточное направление заняло в ней должное место.

Незаметно сформировавшийся на наших глазах вдоль юго-восточных границ России новый геостратегический регион Центрально-Восточной Азии в военно-политическом отношении вобрал в себя огромное пространство территорий – от Закаспия до тихоокеанского побережья – и сделался, говоря словами У. Черчилля – “мягким подбрюшьем” российских нефтяных месторождений Восточной Сибири. Вот где может завязаться (но не обязательно) новый узел междержавной конкуренции между Россией, Китаем и Соединенными Штатами.

Вместо того, чтобы тратить силы на уговаривание Украины “принять всерьез” проект “Единого экономического пространства” (Россия, Казахстан, Белоруссия и Украина), стоило бы сосредоточить внимание на укреплении ЕврАзЭС (Россия, Казахстан, Киргизия, Белоруссия, Таджикистан). За 13 лет стало ясно, что все эти годы Украина выступала, если называть вещи своими именами, главным тараном, разрушающим любую интеграцию в СНГ. Это не значит, что надо “ставить крест” на сотрудничестве с ней. Но трезво оценивая конъюнктурный характер “игр” Киева с Москвой, стоит pragматично противопоставлять им “особые отношения” России с Казахстаном, который фактически является главным потенциальным союзником России в Центрально-Восточной Азии (пусть не всегда гговорчивым) – прежде всего в виду стратегической уязвимости новых перспективных веток трубопроводов, по которым нефть и газ будут транспортироваться из Восточной Сибири платежеспособным покупателям – Японии, Китаю и Южной Корее.

Россия обладает довольно мощным организационным ресурсом политики в материковой части региона. Во-первых, ее связывают двусторонние альянсы с Казахстаном и Китаем – военно-политический с первым (1992) и политический с элементами военного – со вторым (2001). Во-вторых, наша страна занимает центральное место в Организации договора коллективной безопасности (ОДКБ) в составе России, Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Белоруссии, Армении. В-третьих, она фактически является самым мощным участником созданного в 2000 г. Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС – Россия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Белоруссия; Украина и Молдавия имеют в нем статус наблюдателей). В-четвертых, в мае 2004 г. она (несколько неожиданно для сторонних наблюдателей) также стала участницей организации Центрально-Азиатского сотрудничества (ЦАС – Узбекистан, Казахстан, Киргизия, Таджикистан и Россия), куда ее прежде особенно не приглашали с момента создания этой организации еще в 1994 г. В-пятых, Россия лидирует в частично перекрывающем ЕврАзЭС провозглашенном в 2003 г. Общем экономическом пространстве, куда помимо ее входят Казахстан, Белоруссия и Украина. Наконец, в-шестых, наряду с Китаем, Россия – ведущая страна Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), преобразованной в 2001 г. из “группы” в полновесную многостороннюю структуру (ШОС – КНР, Россия, Казахстан, Узбекистан, Киргизия, Таджикистан). Похоже, ни в одном другом регионе мира российская внешняя политика не располагает столь благоприятной политической основой для ее проведения.

Особенно важным может оказаться для России участие в ШОС, которая фактически стала едва ли не главной и наиболее представительной многосторонней организацией материковой части Восточной Евразии. Создание этой структуры было едва ли не самым приоритетным проектом КНР в этой части мира в 1990-х гг. Он вырос из относительно частного двустороннего соглашения России и Китая в 1996 г. о мерах доверия в зоне российско-китайской границы. В 1997 г. Москва и Пекин пригласили присоединиться к нему Казахстан, Киргизию и Таджикистан. Узбекистан, не имевший границы с КНР, оказался вне этого соглашения, на базе которого возник довольно рыхлый и чрезвычайно гибкий переговорно-консультативный механизм, не имевший ни ясных конкретных задач, ни полномочий принимать обязывающие решения. Участники ориентировались скорее на диалог, взаимное ознакомление,

привыкание друг к другу, изучение проблем, интересов и устремлений стран-соседей. К практическому сотрудничеству они были явно не готовы и, казалось, в тот момент не особенно стремились. Страны "пятерки" терпеливо присматривались и прислушивались друг к другу, скорее изучая свои разногласия, чем пробуя преодолевать их всякий раз, когда становилось ясно, что затрагивавшиеся вопросы "не созрели" для практических решений. Интуитивно или сознательно они действовали в духе того, что в литературе именуется "азиатским типом дипломатии", в точности повторяли логику и тип взаимодействия государств Юго-Восточной Азии в 60–70-х гг. прошлого века, из которого позднее выросла АСЕАН⁵.

В Пекине, однако, хотели большего. Китаю было важно укрепить и ужесточить "слабую" структуру диалога в рамках "шанхайской пятерки", "утрамбовать" пространство у своих западных границ, ликвидировать наметившийся там после распада СССР вакуум силы и присутствия, чтобы не позволить этому вакууму заполниться наступавшим с юга (из Афганистана и Пакистана) воинственному и прекрасно вооруженному политическому экстремизму в лице разного рода полубандитских вооруженных формирований, выступавших под националистическими и исламскими лозунгами. Китай беспокоился не о безопасности своих западных соседей, а о собственной безопасности: вооруженные фанатики индуцировали сепаратизм в китайской провинции Синьцзян, значительную часть населения которого исповедует ислам. Превращение малых и средних стран Центральной Азии в плацдарм воинствующего исламизма представляло угрозу для КНР, и она была твердо намерена бороться с этой угрозой.

Россия, однако, проявляла осторожность. Не желая "отталкивать" Китай и раздражать его, Москва одновременно понимала невыгодность для нее усиления китайского влияния в регионе. Одновременно российское руководство учитывало, что в США с беспокойством следили за развитием российско-китайских связей и не желало вызывать подозрения Вашингтона. Малые и средние страны региона в целом проявляли понимание сомнений России. Они сами опасались оказаться втянутыми в возможные противоречия между сильными державами – как между Россией и Китаем, так и между каждой из них и США. В Пекине отдавали себе отчет в деликатности ситуации, выжидали, не настаивали, и ...терпеливо увершевали. На руку КНР играло растущее разочарование Москвы и Вашингтона друг другом на фоне агрессии НАТО против Сербии в конце 1990-х гг.

В июне 2001 г. Россия согласилась на повышение уровня сотрудничества в рамках "пятерки" и последняя была официально преобразована на саммите в Шанхае в Шанхайскую организацию сотрудничества, в ряды которой официально вступил Узбекистан, до этого уже получивший статус наблюдателя в "пятерке". Вслед за тем был создан постоянный секретариат организации и принято решение о формировании "антитеррористического центра" ШОС – сначала в Бишкеке, а потом – в Ташкенте. В 2003 г. был подписан и Устав организации.

Сотрудничество входящих в ШОС стран вряд ли может сразу приобрести гармоничный характер. Хотя все шесть стран-членов активно выступают против экспорта на их территорию радикальных идей политического ислама из Афганистана и Пакистана, они не одинаково трактуют такие понятия как, например, "исламская угроза". В трактовке китайских представителей понятия "исламского терроризма" и "сепаратизма" (в Синьцзяне) практически совпадают. Малые страны региона, однако, придерживаются иного взгляда. Жестко осуждая воинственную религиозность под лозунгами "исламской революции", они одновременно фактически сочувственно отно-

⁵ Один из самых удачных вариантов анализа этого феномена дан в превосходной работе Майкла Хааса [Haas, 1989].

сятся к этнонациональным брожениям среди родственных им народов Синьцзяна (прежде всего уйгуров, казахов, киргизов). В некоторых странах есть определенные сомнения и по поводу намерений самого Китая, который, например, в 2001 г., не прибегая к силе, но все таки вынудил Киргизию пойти на подписание с ним соглашения об уступке части киргизской территории в пользу КНР. Россия в том, что касается этого скрываемого разногласия, в принципе тяготеет к поддержке китайской позиции (имея в виду косвенное осуждение сепаратизма в Чечне), но избегает формулировок, способных вызвать протесты мусульманских общин внутри Российской Федерации.

Другая часть разногласий связана с ситуацией в Фергане. Когда-то весь ферганский оазис принадлежал Кокандскому ханству, имевшему этнически весьма смешанное население, но управлявшемуся узбекской династией. В регионах, подобных Фергане формировался “оазисный тип” мышления и “оазисная идентичность”, которым, стоит добавить, соответствовали и оазисный тип обеспечения безопасности вместе с соответствующей ему концепцией, в той мере, в какой она существовала в мышлении тогдашних правителей. Этот тип обеспечения безопасности резко противоречил национально-территориальному размежеванию, проведенному в Фергане большевиками по вильсонианскому принципу самоопределения наций. Не соответствовал он и логике национально-государственного или межгосударственного типа обеспечения национальной безопасности, “каноны” которых сформировались на базе исторического опыта Западной Европы и США и постепенно стали приниматься за “нормативные”. Внедрение культурно и идеально-политически чужеродного принципа в ткань региональной жизни сформировало потенциал конфликта и кризисов, которые проявляются и сегодня.

Поскучный характер этнотERRиториального размежевания в Ферганской долине в советские годы привел к тому, что она оказалась разделенной между Узбекистаном, Таджикистаном и Киргизией. Причем, поскольку размежевание проходило более или менее по принципу этнического преобладания тех или иных групп населения в отдельных районах региона, в зоне Ферганы образовался ряд анклавов территорий одних государств, со всех сторон окруженных территорией других. Таким образом, анклавы Таджикистана и Узбекистана попали в окружение территории Киргизии.

Именно Фергана в 1990-х гг. была выбрана радикалами-исламистами для создания там “халифата”, под эгидой которого предполагалось наладить производство опиумного мака и создать мощнейшую наркоэкономику, способную конкурировать с той, что была создана талибами в Афганистане (где она продолжает существовать) и отправлять миллионы людей в России, странах Западной Европы и других частей мира. Это была своего рода криминальная попытка восстановления “оазисной модели безопасности” в Фергане – по счастью подавленная, но одновременно, несомненно, свидетельствующая о необходимости отхода к традициям национально-государственно-го мышления и политики в обеспечении безопасности в этом районе.

Отношения между тремя “ферганскими странами” окрашены взаимным раздражением одновременно по вопросам военной безопасности и хозяйственного освоения анклавных территорий. Необходимость в самозащите от просачивающихся с юга банд заставляет каждую из стран самостоятельно укреплять свои внешние границы, ужесточая их режим. Однако последнее осложняет жизнь населению анклавных территорий и порождает политические трения между правительствами соответствующих государств.

Дополнительный неблагоприятный фон взаимоотношениям стран Центральной Азии создает “туркменская дыра” – огромная зона открытой границы Туркменистана с Афганистаном, через которую с юга легко проникают антиправительственные банды радикалов, направляющиеся двумя потоками: либо на северо-восток – в Узбе-

кистан, граница которого с Туркменистаном после распада СССР долгое время оставалась незащищенной (именно этим путем на узбекскую территорию проникали отряды так называемого Исламского движения Узбекистана); либо на северо-запад – в Казахстан и далее в Россию (с прицелом просочиться в зону конфликта в Чечне)⁶. Та же самая “дыра” вот уже полтора десятилетия служит одним из маршрутов для нелегальной транспортировки наркотиков из Афганистана, которые попадают в Россию тем же путем, что и террористы. При этом Туркменистан, ссылаясь на свой нейтралитет, не сотрудничает со своими соседями в борьбе против терроризма и сохраняет режим полной проницаемости своих границ, фактически став для терроризма и наркотрафика зоной свободного транзита.

Правда, дорога через Туркменистан – не единственный, к сожалению, маршрут контрабанды наркотиков в Россию. Другой ее путь – через Таджикистан, границы которого с Афганистаном хотя и охраняются таджикскими пограничниками совместно с российскими, не обеспечивают пресечения наркотрафика в силу как недостаточности ресурсов для охраны границы, так и трудноискоренимой коррупции среди лиц, ответственных за режим безопасности с таджикской стороны афгано-таджикской границы. Следующие из Афганистана обоими указанными маршрутами наркотики далее продолжают свое движение двумя “змеями”. Первая – “северный путь” – тянется к крупным сибирским городам (Томск, Новосибирск, Омск), а из них – к главным районам нефтедобычи (Ханты-Мансийск, Тюмень, Нефтеюганск). Вторая – “северо-западный маршрут” – идет вдоль Волги, опоясывая нефтяные районы Татарии и Башкирии и крупные волжские городские центры (Самара, Волгоград, Саратов). Оба маршрута имеют прямые ответвления на Москву и Санкт-Петербург: попадая в Сибирь и Поволжье прежде всего наземным путем (по железной дороге, на автотранспорте и “самоходом”) наркотики оттуда доставляются в крупные города Европейской России как правило на самолетах “в чреве” многочисленных наркокурьеров – мужчин, женщин, детей, животных.

Существует прямая связь между вооруженной антиправительственной борьбой в этом регионе и наркоторафиком, поскольку последний дает деньги для финансирование первой. Именно колоссальные суммы “черных денег”, образующихся в результате контрабанды наркотиков, фактически составляют в современных условиях главное препятствие в борьбе с терроризмом. Проблема в том, что во многих случаях ответственные за нее лица не могут или не хотят искоренить саботаж собственных коррумпированных сотрудников и подчиненных, нередко стремящихся извлечь транзитную ренту, своего рода долю, от наркоторговли, которую им охотно выплачивают за соответствующие услуги наркоторговцы и представители мощных транснациональных сетей, пронизывающих Евразию – от зон производства опиума до стран его потребления.

4.

Малые и средние страны региона давно перестали быть послушными вассалами Москвы и научились безотказно работающей, привычной и по-своему рациональной тактики отстаивания собственных национальных интересов посредством игры на противоречиях между более сильными соседями – Россией и Китаем, а в самое последнее время – еще и США. Это в известном смысле неприятно сознавать, однако не имеет смысла сетовать по этому поводу или впадать в негодование. Полезней перестать видеть в бывших республиках СССР “своих ребят” и строить отношения с ними на общих основаниях, но в то же время и с учетом веских историко-геополитических оснований: ни им, ни России не удастся в обозримой перспективе обойтись друг без друга.

⁶ Чрезвычайно интересный материал о положении в зоне открытых границ России с юго-восточными странами СНГ см.: [Прозрачные границы..., 2002], в частности в главе 4 этой коллективной монографии.

Малые и средние страны, конечно, не удовлетворены состоянием отношений с Россией, с чувством “избирательной” ностальгии вспоминая “советские времена”, когда местные элиты вполне благоденствовали благодаря нескончаемым субсидиям и дотациям из союзного бюджета и наслаждались полной безопасностью своей власти. Понимая, что Москва не может и не хочет лишь “из дружбы” спонсировать центральноазиатские страны, последние, – быть может, цинично, но вполне закономерно – ищут альтернативные ей источники экономической и иной помощи, проявляя готовность ради этой помощи кое-чем поступиться – в частности тем, что в документах и официозных публикациях именуются “особыми”, тесными и дружескими партнерскими связями с Россией. В первой половине 1990-х гг. альтернативой Москве некоторым казался Стамбул. Сегодня, похоже, от туркофильских и пантюркистских иллюзий осталось мало следов даже в Узбекистане. Местные страны стали чаще, но и хладнокровнее размышлять о сотрудничестве с США и КНР.

Однако Китай – не только символ экономических надежд и своего рода образец реформы хозяйства, но и источник потенциальных вызовов: он, как и Россия слишком силен и близок, чтобы можно было относиться к нему без сомнений и робости. Доминирование России – может быть и неприятно, но за многие десятилетия руководители малых и средних стран региона хорошо научились ладить с российской элитой, уступая ей, но одновременно и пользуясь ее слабостями, хитры и лукавы, добиваясь от Москвы главного – помощи в защите от реальных врагов – вооруженных антиправительственных повстанцев или террористов – не так важно, как их называть.

Доминирование Китая – опасность новая и неведомая. Однако известно, что уйгурам и казахам в КНР живется менее вольготно, чем жилось казахам и киргизам в бывшем Советском Союзе. Во всяком случае, именно так утверждают проуйгурские организации, тайно или не вполне тайно обретшие приют на территориях стран к западу от китайских границ.

Приобретение Соединенными Штатами военных баз в Узбекистане и Киргизии в 2001 г. всколыхнуло было надежды местных стран найти в лице Вашингтона альтернативу зависимости от Москвы, российской помощи. Еще активней стал демонстрировать независимость своей внешнеполитической линии Узбекистан, и прежде не упускавший шанса побравироваться своей самостоятельностью по отношению к инициативам и рекомендациям Москвы. Вслед за ним раздувать страсти вокруг “российско-американской конкуренции” в Центральной Азии принял Таджикистан – казалось бы, самый зависимый партнер России и оттого, предположительно, самый надежный. Первый в 2002 г. вышел из Ташкентского договора 1992 г., поставив себя таким образом вне структур ОДКБ. Второй начал настойчиво требовать от Москвы арендной платы за военные объекты в Таджикистане (размещение там российской 201-й дивизии), долгое время использовавшиеся для защиты его правительства от вооруженной оппозиции.

Дипломатические агенты и представители правительств Таджикистана и Узбекистана в Вашингтоне развернули хорошо продуманную кампанию информирования американской стороны о “нарастающих противоречиях” в их отношениях с Москвой. Эта пропаганда была по-своему успешной. На экспертном уровне (в той мере, в которой можно говорить о его существовании применительно к странам Центральной Азии, разумеется) в Вашингтоне утвердились мнение, что Душанбе и Ташкент явно переориентируются на Вашингтон как флагман своей внешней политики в противовес лидерству Москвы. После визита 23–24 февраля 2004 г. в Ташкент министра обороны США Д. Рамсфельда узбекские СМИ с восторгом сообщили о том, что фактически Узбекистан становится приоритетным стратегическим партнером США в этой части мира [Рузикулова, 2004].

Дальнейшие события, однако, не позволяют однозначно оценивать внешнеполитические устремления Душанбе так же, как и Ташкента. 4 июня 2004 г. в Сочи во время встречи президента Таджикистана Э. Рахмонова и президента России В.В. Путина было заключено в целом выгодное для обеих сторон соглашение, положившее конец “стренному” российско-таджикскому спору. Несколько можно судить по официальным сообщениям российской стороны, Россия согласилась списать Таджикистану его огромный накопившийся в 1990-х гг. долг России в размере 300 млн дол. Взамен таджикское правительство передало в собственность России весьма ценный оптико-электронный комплекс в Нураке для слежения за космическим пространством. Кроме того, Таджикистан отказался от взимания всяких платежей за военные объекты, которыми пользуется расквартированная на таджикской территории 201-я дивизия. Наконец, таджикская сторона согласилась частично зачесть суммы своего долга России как доли российских вложений в объекты приватизируемой государственной собственности в Таджикистане. Пребывание российских пограничников было продлено до конца 2006 г., после чего Таджикистан согласился принять на себя полную ответственность за обеспечения безопасности границы собственными силами.

Еще более неожиданное событие произошло 16 июня 2004 г., когда в Ташкенте где проходил саммит ШОС, Россия и Узбекистан заключили бессрочный договор о стратегическом партнерстве. За неделю до того (8 июня) вступило в силу российско-узбекское соглашение о совместной обороне воздушного пространства России и Узбекистана. Оба эти события были встречены в США с некоторым недоумением.

Трудно с определенностью оценить их и в России. С одной стороны, можно предположить, что Таджикистан и Узбекистан были просто “напуганы Ираком” (т.е. чрезмерной воинственностью попыток республиканской администрации США превратить Ирак в “демократический форпост”) и “метнулись обратно” к России, не желая оказаться следующим объектом применения стратегии “смены режимов”. В Центральной Азии давно беспокоились по поводу критики американской администрации в адрес Узбекистана и Таджикистана за нарушения прав человека и авторитаризм. С другой – демонстрация дружбы с Москвой может явиться очередным тактическим ходом и проявлением линии равнодаленности, к которой объективно тяготеют малые и средние страны. Как бы то ни было, вряд ли есть основания полагать, что государства этой части мира откажутся от новых попыток сближения с США – хотя бы просто потому, что американское присутствие в Центральной Азии объективно сковывает Россию и Китай и тем самым создает дополнительное пространство для маневра малых стран.

Думаю, нет повода ни одобрять их линию, ни демонизировать ее. За исключением, возможно, Казахстана, малые и средние страны региона – скорее попутчики, чем “убежденные союзники” России, и они не будут упускать шансов играть на ее конкуренции с КНР и США. В то же время нет пока оснований преувеличивать вероятность американизации региона. Отчасти потому, что нынешним элитам названных стран политически гораздо ближе российская модель “направляемой демократии” и даже китайская версия “либерального авторитаризма”, чем любые мыслимые американские сценарии демократизации⁷.

⁷ Российский политолог Д.В. Тренин остроумно предложил анализировать политические ситуации в азиатских регионах бывшего СССР на базе трехслойной сопоставительной схемы “архаика–модерн–постмодерн”. Следуя его логике, следует признать, что отношения между малыми и средними странами региона, с одной стороны, и Россией – с другой, соответствуют модели взаимодействия “архаики” и “модерна”. Тогда как американской экспертиза этих отношений представляет собой не что иное, как взгляд и оценку с позиции “постмодерна”. Отсюда – обилие непониманий и ложные интерпретации тенденций региональной жизни американскими (и вообще западными) специалистами и политиками.

Слабое место местных стран – естественное старение элиты; возникает необходимость организаций передачи власти следующему поколению лидеров. От того, насколько плавно осуществляется передача власти и в какой мере устойчивым окажутся новые режимы, в немалой степени будут зависеть и ориентации наших юго-восточных соседей.

Современная структура безопасности в Центрально-Восточной Азии представляется собой ядро с двумя оболочками. Военно-силовое ядро региона – ОДКБ и двусторонние договоры России с Казахстаном и КНР. Внутренняя оболочка – сотрудничество стран ШОС, в котором начинает формироваться более выраженный военно-политический аспект (“борьба с терроризмом”). Внешняя оболочка – военное присутствие США и отношения, формально и неформально связывающие Вашингтон с местными странами, включая Россию и Китай в связи с этим обстоятельством.

Самая новая тенденция в этом смысле – тенденция к сращиванию внешней и внутренней оболочек, которая и находит выражение в фактически начавшемся с конца 2002 г. неформальном поиске схемы какой-либо формы ассоциации США и ШОС, одной из форм которой на этом этапе может стать приглашение Соединенных Штатов к участию в работе Шанхайской организации сотрудничества в качестве наблюдателя.

5.

Но даже в таком схематичном виде проблемы безопасности в регионе нельзя анализировать в отрыве от ситуации в Южной Азии. В самом деле, Афганистан неразрывно связывает Центральную Азию с Южной. Численно, военно-политически, и экономически преобладая в северных районах Афганистана, общины афганских таджиков и узбеков играют наряду с пуштунскими племенами виднейшую роль в определении соотношения сил в Кабуле. Достаточно вспомнить, что на протяжении большей части 1990-х гг. именно северяне оказывали преобладающее влияние на формирование общеафганских органов власти. Их влияние снова стало весьма значительным и после свержения талибов осенью 2001 г. Вместе с тем афганские таджики и узбеки, несомненно, представляют собой фактор влияния на внутреннее положение в Таджикистане и Узбекистане. В ходе гражданской войны в 1990-х гг. это влияние едва не стало для страны фатальным – известны версии “Большого Таджикистана”, в основе которых лежит идея объединения “афганских” и “таджикских” таджиков в единое национальное государство. При хрупкости политического режима в Таджикистане фактор зарубежных таджиков сохраняет и будет сохранять для этой страны колоссальное значение, создавая постоянную зависимость между внутренней устойчивостью в Таджикистане и Афганистане, а значит и зависимость Таджикистана от состояния межобщинных отношений внутри Афганистана.

Община афганских узбеков относительно менее многочисленна. Но она достаточно хорошо вооружена, сплочена и воинственна, чтобы представлять собой существенную политическую и военную силу как на внутриафганском уровне, так и в отношениях с сопредельными государствами. Афгано-узбекские формирования религиозных радикалов в 1990-х гг. не раз вторгались на территорию Узбекистана, стремясь свергнуть правительство президента И. Каримова и оценивались экспертами как весьма серьезная угроза для безопасности страны. Вот почему на внутриафганские отношения замыкаются и многие проблемы безопасности Узбекистана.

Для общерегионального расклада не менее важно и то, что безопасность самого Афганистана, в свою очередь, зависит от отношений с Пакистаном и “пакистанскими пуштунами”. Подобно идеи “Большого Таджикистана”, имеет хождение идея “Большого Пуштунистана”, восходящая к разделу в 1893 г. территорий, населенных пуш-

тунскими племенами, между Афганистаном и Британской Индией (частью которой был тогда современный Пакистан) вдоль “линии Дюранда”. Соответствующее соглашение было заключено сроком на 100 лет и юридически прекратило действовать в 1993 г. Между тем с момента образования независимого Пакистана оно определяло его западную границу с Афганистаном. Ни одно из афганских правительств не признавало постоянный характер этого разграничения и, тем более, его никогда не признавали вожди пуштунских племен по обе стороны “линии Дюранда”. Даже правительство талибов, которое было фактически приведено в власти в Кабуле в 1996 г. при поддержке Пакистана и США, не согласилось признать законность афгано-пакистанской границы. Оказалось, что и для талибов – объединение всех пуштунских земель “под одной крышей” – своего рода национальная идея, реализация которой ставит под угрозу существование Пакистана как единого государства. Не удивительно, что пакистанское правительство фактически давно уже возвело вмешательство в афганские дела в той или иной форме на уровень национальной политики, всячески препятствует возникновению ситуации, при которой Афганистан может сплотиться и предъявить претензии к Пакистану.

С точки зрения международной безопасности ситуация резко осложнена наличием ядерного оружия у Пакистана и неурегулированностью его конфликта с другой “нелегальной” ядерной державой – Индией из-за Кашмира. Именно пуштунская среда – источник исламских экстремистов в Пакистане. Угроза захвата ими власти в Исламабаде, а вместе с ней и контроля над атомным оружием, является кошмаром не только для политиков в сопредельных странах – прежде всего в Индии и Китае – но и для американских руководителей [Sanger, Broad, 2004], а также, насколько можно судить, российских лидеров.

В сложившейся ситуации интерес великих держав состоит в том, чтобы предотвратить ослабление Пакистана, а тем более его распад, хотя способность пакистанского руководства – тем более законным демократическим путем – удерживать под контролем местных радикалов, включая пуштунских активистов, дающих приют сторонникам “Аль-Каиды”, вызывает сомнение. Одновременно Пакистан не может отказаться от поддержки исламской идеи, поскольку исламская идентичность, панисламизм – фактически единственное, что может хоть в какой то мере служить идеальным и моральным обоснованием удержания пуштунов в составе Пакистанского государства.

Несколько неожиданным образом оказывается, что ключевой проблемой региональной стабильности, как ни странно, являются вовсе не противоречия между великими державами (США, Китаем и Россией), а вопрос о гарантиях государственных границ Пакистана – на западе с Афганистаном, на востоке – с Индией, которая тоже оказывается немаловажным элементом сложного уравнения региональной стабильности.

В отечественных [Стрежнев, 2003; Петров, 2003] и зарубежных публикациях заметна тенденция упрощенно интерпретировать ситуацию в Центрально-Восточной Азии в духе геополитических схем начала прошлого века. Вспоминают русско-британские противоречия в Средней Азии и пытаются прогнозировать развитие событий “по аналогии”. Эти параллели аналитически непродуктивны, как непродуктивны аналогии между умозрительно реконструированным прошлым и живой реальностью, контекст которой никогда не повторяет и не может повторять контекстов исторического прошлого. Потенциала для противоречий между державами-лидерами в этой части мира не больше, чем возможностей для их (возможно неохотного, но pragmatically) сотрудничества, которое, конечно, не исключает конкуренции – более или менее успешной для каждого из участников в зависимости от имеющегося у него потенциала.

Во-первых, все-таки политico-религиозный экстремизм, главная база которого сохраняется в зоне между Афганистаном и Пакистаном, а сфера влияния охватывает колоссальный ареал Центральной Азии, Западного Китая и юго-восточной периферии России, является реальным противником США, так же как и Китая, России, Индии, стран Центральной Азии, Афганистана и Пакистана.

Во-вторых, пресечение наркотрафика, хотя и не является столь очевидным общим интересов всем перечисленных государств, объединяет большинство из них.

В-третьих, угроза попадания атомного оружия Пакистана в руки исламских радикалов в случае прихода их к власти в стране подталкивает США, Россию и Китай к согласованию своих действий как минимум для стабилизации индо-пакистанских отношений на базе исторического компромисса и статус-кво в кашмирском вопросе.

В-четвертых, привлечение США, в той или иной форме, к участию в ШОС (признаки чего нарастают с весны 2004 г.) позволит с минимальными издержками легализовать участие Вашингтона в урегулировании стратегической обстановки в регионе, которое сегодня все равно осуществляется де-факто и в этом своим полугородальным качестве является постоянным раздражителем для КНР и определенных политических кругов в России. Одновременно включение США в уже готовую структуру региональных отношений не позволит им занять в ней господствующее положение и таким образом будет способствовать большей умеренности американских амбиций.

* * *

Получив в 2001 г. не без согласия Москвы военные базы в Узбекистане и Киргизии, США фактически “стали среднеазиатской державой”. Это резко изменило ситуацию в Центрально-Восточной Азии. Война “во имя демократии” в Ираке напугала страны региона. Некоторые из них стали проявлять склонность идти на сближение с Вашингтоном в ущерб отношениям с Россией. Скрывая свое раздражение, встревожен происходящим и Китай. Российская элита расколота: часть окружения Путина требует “жестких ответных мер” в связи с американским военным присутствием в Центральной Азии. Другая – пытается его “игнорировать”, обрекая дипломатию на бездействие. Между тем для избежания “кризиса понимания” между Россией, США и Китаем в Центрально-Восточной Азии требуется как минимум начать диалог Москвы, Вашингтона и Пекина по вопросам региональной безопасности. Его смысл – прояснить перспективы американской политики в регионе с тем, чтобы избежать случайной конфронтации, риск которой повысится, если сохранится ориентация администрации Дж. Буша на односторонние действия, игнорирующие интересы безопасности других стран.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Богатуров А. Российский Дальний Восток в новых геопространственных измерениях Восточной Евразии // Мировая экономика и международные отношения. 2004. № 10.
- Ким Кван Хван. Проблема создания “новых зон ответственности” НАТО и российская внешняя политика. М.: МГИМО МИД РФ, 2003.
- Коргун В.Г. Международные отношения в Средней Азии и на Среднем Востоке // Кризис и война. Международные отношения в центре и периферии международной системы в 30-х – 40-х годах. Отв. ред. Богатуров А.Д. М.: НОФМО, 1998.
- Системная история международных отношений. 1918–2000. Т. 1. М.: Московский рабочий, 2000.
- Международные процессы. 2003. № 3.
- Мелетинский Е.М. Палеоазиатский мифологический эпос. М.: ГРВЛ, 1979.
- Прозрачные границы. Безопасность и трансграничное сотрудничество в зоне новых пограничных территорий России / Отв. ред. Голунов С.В., Вардомский Л.Б.. Москва–Волгоград: НОФМО, 2002.

Рузиколова С. Министр обороны США встречался с президентом Узбекистана // *Tribune-UZ*. 24.02.2004 (см.:<http://www.tribune-uz.info/politics/?idl-519>).

Стрежнев Р. Азиатская граница? // *Красная звезда*. 28.10.2003.

Петров Н. Станет ли ОДКБ противовесом НАТО? // <http://www.strana.ru> 12 декабря 2003.

Bogaturov A. Russia's Priorities in Northeast Asia: Putin's First Years // *The Brookings CNAPS Survey. 2003–2004*. Washington: The Brooking Institutions Press, 2004. (электронная версия – <http://www.brookings.edu/dybdocroot/fp/cnaps/papers/survey2004/6russia.pdf>)

Haas M. *The Asian Way to Peace. A Story of Regional Cooperation*. N.Y.: Praeger, 1989.

Sanger D., Broad W. From Rogue Nuclear Programs, Web of Trails Leads to Pakistan // *The New York Times*. 2004. January 4.